

. . . 2009: « » //
 / . . , (. .). , 120-123.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
 AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
 YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
 KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
 YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Russian
 Society of
 Classical Studies

«

»

Yaroslavl Demidov State University

The Research and Educational Foundation
 "The Centre for Roman Law Studies"
 Yaroslavl branch

вительству и власти». Про самого себя он замечает (Pro Sest. III. 7), что «... мой взор направляется на достоинство государства, которое меня призывает и требует, чтобы я отбросил все менее важное». И в то же время, *dignitas* – личное достоинство каждого человека. Сохранять достоинство значило вести себя так, как это должно римскому гражданину. В этот своеобразный кодекс, как сообщает Цицерон (De off. I. 121), входило: «справедливость, верность слову, щедрость, умеренность и воздержанность». Это и стойкость в жизненных неприятностях (Cic. Pro Sull. V 15).

Цицерон приводит и пример человека, которого сам называет достойным (Pro Sest. III. 6): «отцом Публия Сестия... был мудрый, благочестивый и суровый человек... он стремился не к тому, чтобы занимать другие почетные должности, а к тому, чтобы казаться достойным их». То есть, мало стать должностным лицом, необходимо еще и соответствовать высокому званию римского магистрата. Как было отмечено В. Пёшлем, *dignitas* лидера оценивалась коллективом граждан, а не существовала абстрактно вне общественного мнения, за нее следовало постоянно бороться [1, С. 253]. Достоинство гражданина могло понести ущерб от возведенных на него обвинений. Так, Цицерон в речи в защиту Публия Корнелия Суллы говорит (XXIX. 80), что «...но если нас оскорбляют, если нас обвиняют, если против нас возбуждают ненависть, то вы, судьи, конечно, согласитесь с тем, что свободу мы имеем право за собой сохранить, если уж нам нельзя сохранить свое достоинство». И достоинство магистратуры, и достоинство личное, человеческое, сливались и усиливали моральную ответственность магистрата за принятые решения.

Библиографический список:

1. Вулих, Н.В. Феномен Рима в интерпретации В. Пёшля / Н.В. Вулих // Вестник древней истории. - 1996. - №4. - С. 251-254.
2. Beard, M., Crawford, M. Rome in the late Republic. Problems and Interpretations. M. Beard, M. Crawford. - L., 1985.
3. Анализ исследовательской литературы см. например: Кофанов, Л.Л. Юрико-религиозный характер римской *fides* в V-III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6-15) / Л.Л. Кофанов // *Ius Antiquum*. 2(10). - 2002. - С. 63-72.
4. Бартошек, М. Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек. М., 1989.
5. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М., 1997 - С. 179-180.

Е.С. Данилов

ПОНЯТИЕ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В ДИГЕСТАХ ЮСТИНИАНА

Безопасность – сложное социальное явление и одновременно мировоззренческое понятие (категория мировосприятия), она многопланова и многогранна в своих составляющих и проявлениях. Возможность жить, не

подвергая себя различным рискам и опасностям, высоко ценится в человеческом обществе. Безопасность является несомненной мировоззренческой ценностью и реализует себя в индивидуальном и общественном сознании. Характерно, что эта ценность имеет универсальный характер и признается в качестве фундаментальной всеми людьми и во все времена.

Понятие «безопасность» (*securitas*) имело глубокие корни в римском менталитете [5, s. 217-281]. Для любого гражданина постоянная и не нарушаемая безопасность (*solida et inconcussa securitas*) являлась синонимом освобождения от страха потерять свою жизнь и имущество (*Vell. Pat. II. 89. 4; Sen. De benef. VI. 28*). Хотя находиться в смертельной опасности (*periclitor capitis*) было обычным делом для римского воина, все же храбрость (*fortitudo*) соединялась в нем с трезвым расчетом и осмотрительностью (*Joseph. B. J. V. 7 3*). На государственном уровне предметом всеобщих желаний было установление общественного правопорядка – *securitas publica* (*Tac. Agr. 3*). Душевное спокойствие (*SHA. Hadr. VII. 6*), обеспеченность (*Plin. Ep. X. 111*) и безопасность римских граждан, сконцентрированные в понятии *securitas*, могли быть достигнуты при поддержании на должном уровне внутренней стабильности и оборонной мощи *rex Romana* (*App. Proem. 7*). Этико-правовые взгляды римлян традиционно основывались на уверенности в обязательном совпадении юридических норм и моральных представлений. В Дигестах Юстиниана, законодательном памятнике VI в. н.э., суммировавшем наиболее важные положения всей классической юридической литературы [3, с. 137], нашла свое отражение правовая безопасность римского гражданина. Правовая безопасность, как разновидность безопасности социальной, предполагает высокую эффективность деятельности правовой системы, ее способность успешно защищать цивилизованные ценности. Дигесты расширяют понятие безопасности в рамках таких категорий, как «*asylum*», «*securitas*» и «*tutum*».

«*Asyilia*» или право убежища – это один из самых древних институтов человечества [4, s. 141]. Местами убежищ первоначально служили священные рощи и храмовые территории. Нарушавших святость таких мест постигала кара богов и общины (*Thuc. I. 126. 11-12*). В Греции существовало бесчисленное множество убежищ. Например, храм Нептуна на мысе Тенар (*Нер. Paus. 4*) или храм Аполлона в беотийском городе Делий (*Liv. XXXV 51*). На римской почве также возникали подобные священные места. Предание говорит нам об убежище, устроенном уже Ромулом для увеличения населения только что построенного Рима (*Liv. I. 8. 5; Verg. Aen. VIII. 342*). По свидетельству Дионисия Галикарнасского, шестой римский царь Сервий Туллий убедил латинян устроить на Авентинском холме храм-убежище Дианы (*Dionys. IV. 26. 3-4*). После возникновения системы

принципата в Риме право убежища получило развитие в другом направлении. Точно так же, как император был источником всякой власти, так и храмы умерших императоров, их статуи и изображения получили силу и назначение доставлять защиту преследуемым и обижаемым. Первым таким убежищем сделан был освященный по распоряжению триумвиров храм убитого Цезаря (*Dio Cass. XLVII. 19. 2-3*). Но этим правом, нацеленным на благо и пользу, вскоре стали злоупотреблять, и оно, вместо того чтобы доставлять невинным защиту, сделалось для рабов и клеветников побуждением к распространению обвинений в оскорблении величия (*Tac. Ann. III. 36; Philostr. V. A. I. 15*). В Дигестах приводятся рассуждения юриста Домиция Ульпиана о том, является ли беглым тот из рабов, кто прибежал в убежище (*asylum*) в виду жестокого обращения с ним господина. Ульпиан отвечает на этот вопрос двойственно. С одной стороны, не может считаться беглым тот, кто прибежал к статуе цезаря, так как это разрешено государственной властью. Если, однако, раб сначала убежал, а затем удалился в священное место, то он вследствие этого не перестает быть беглым и потому может быть наказан (*Dig. 21.1.17 12*). Совершенно понятно, что доказать последний факт рабу было весьма затруднительно. Поэтому в этом казусе можно видеть пример определенного ослабления общего авторитета священных убежищ и укрепления власти императора, который был гарантом безопасности не только жизни граждан, но и их имущества.

«*Securitas*» – наиболее распространенный термин, обозначающий «безопасность», который встречается в Дигестах. В рамках этого законодательного памятника «*securitas*» выступает в нескольких смысловых значениях. *Securitas* как сохранность государственного имущества. Согласно Дигестам, наместник провинции должен заботиться о сохранности государственного имущества. В эту обязанность входило, видимо, не только обеспечение регулярных поступлений налоговых сборов в казну, но и правильное ведение операций по кредитованию частных лиц. Наместник следил, чтобы общественные деньги не давались в займы без надежных залогов (*Dig. 22.1.33*).

Securitas как возможность избежать судебного иска. В первом титуле девятнадцатой книги Дигест разбираются иски, вытекающие из купли-продажи движимого и недвижимого имущества. Здесь упоминаются так называемые сервитуты, которые обременяют земельный участок. Сервитуты являются самым ранним из вещных прав на чужие вещи в Риме [2, с. 349]. Если продавец участка скрывал от покупателя, что продаваемый участок обременен сервитутом, то есть на него имеют определенные права пользования и другие люди, то продавец тем самым мог подвергнуться

судебному иску. Нечестно действуя, продавец должен нести ответственность, но, как добавляет тот же Ульпиан, «не тогда, когда он желал обеспечить свое спокойствие» (*non si securitati suae prospectum voluit* – Dig. 19.1.1.1). Что римский юрист имел в виду? Вероятно, сокрытие сервитута допускалось, если покупатель не проявил интерес к существованию владельцев, а продавец выказал неосознательную небрежность при оформлении сделки. Но такое представить достаточно сложно. Гораздо менее запутанным кажется одно из положений о нокальных исках. Оно сводится к тому, что любой из нескольких хозяев раба, совершившего кражу, может не нести ответственности перед судом, уступив свою долю собственности на раба и тем самым обеспечить себе безопасность (Dig. 9.4.8.).

Securitas как общественная безопасность. «*Securitas*» в данном значении близко по смыслу с публичной пользой (*publicae salutis et securitatis* – Dig. 39.1.5.11). В соответствующем параграфе запрещаются любые частные работы в пределах общественных водоемов и сточных канав, поскольку таковые действия могут проводиться лишь с учетом общественной пользы и безопасности.

В качестве исключения выступает такое значение «*securitas*» как «беспечность» [1, с. 695]. Правовая беспечность проявляется в неосведомленности гражданина о тех или иных законодательных нормах и фактах (Dig. 22.6.6). Во всех правовых системах, в том числе и римской, исходят из того, что гражданин не может в качестве оправдания ссылаться на свою юридическую неосведомленность – это не будет принято во внимание. Правовая безопасность и беспечность, по мнению авторов Дигест, не совместимы. «*Tutum*» иногда переводится как «осторожность». В Дигестах это выражение предстает в контексте безопасной деятельности судебных органов и возможности беспрепятственного функционирования властных структур (Dig. 48.6.10). Здесь «*tutum*» предстает как синоним защищенности. Таким образом, из семи упоминаний «безопасности» в Дигестах лишь одно связано с публичным насилием. Остальные интерпретируются в мирном ключе и принадлежат, в большинстве своем, к сфере вещного права.

Библиографический список:

1. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. - М., 2000.
2. Покровский, И.А. История римского права. / И.А. Покровский. - М., 2004.
3. Сильвестрова, Е.В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V-X вв. н.э. / Е.В. Сильвестрова. М., 2007
4. Girardet, K.M. *Menschenrechte und europäische Identität: die antiken Grundlagen* / K.M. Girardet. Stuttgart, 2005.
5. Kneppel, A. *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr.* / A. Kneppel. - Stuttgart, 1994.